

НА ДОСУГЕ

В прежние времена астраханцы любили проводить лето под сенью садов, растущих в пригородах Астрахани, благо было их много... Устав от городской жары, народ устремлялся в тенистые аллеи, где развлекал себя неторопливым разговором, приготовлением варенья и прочих заготовок на зиму, купанием в реке. Некоторые всё же обращались к более полезному времяпрепровождению – чтению книг.

ДОМ БЕЗ КНИГИ – ЧТО БЕЗ ОКОН

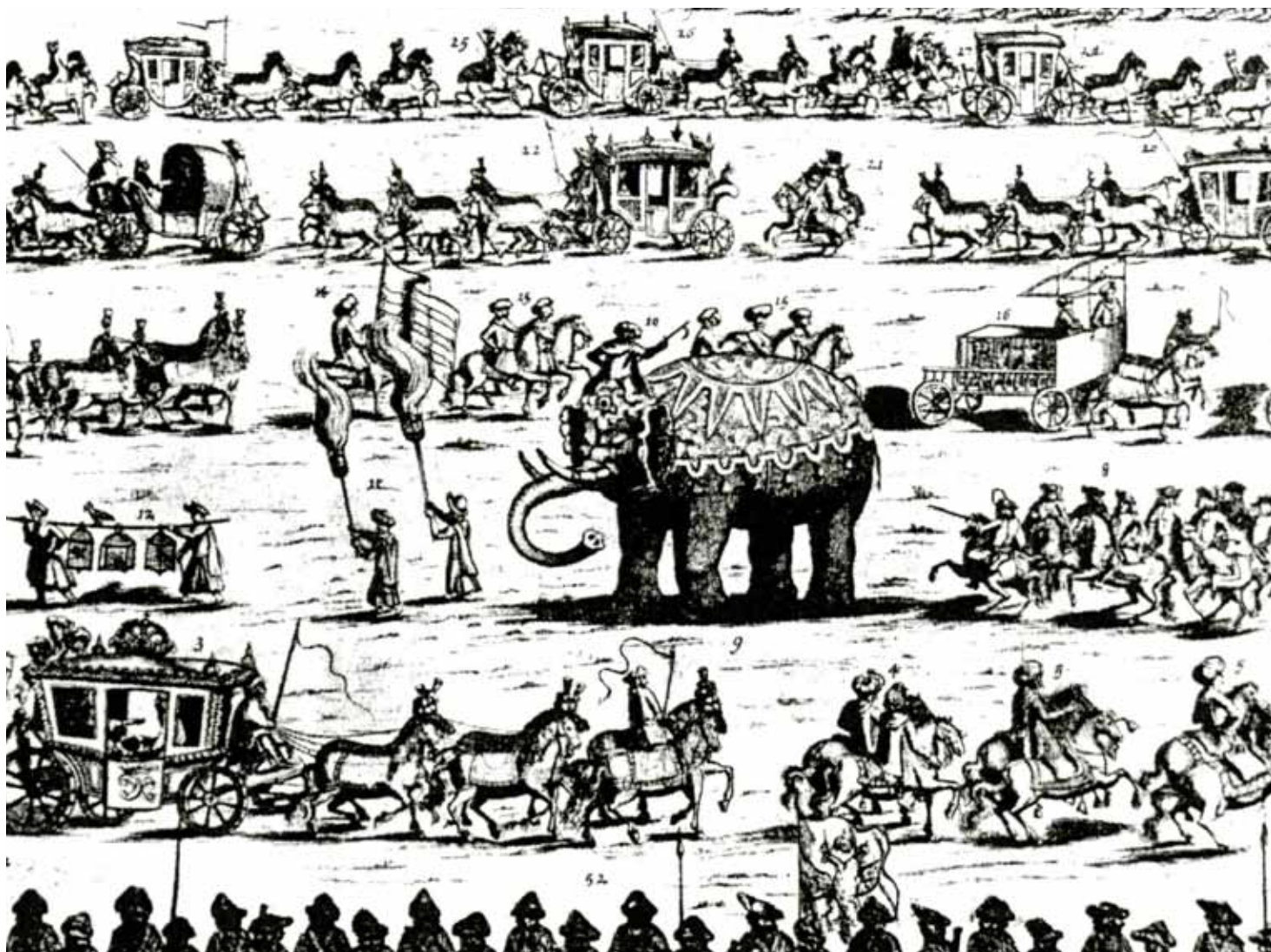
Таковыми, наверное, и были дома в Астрахани, ибо общая масса населения без книг обходилась совершенно легко. В веках 16–17 книга являлась принадлежностью церкви, монастырей (если говорить о духовной и философской литературе), а также небольшого круга просвещённой знати. И Астрахань не была исключением – здесь читали мало, ещё меньшее число граждан делало это добровольно. Во времена Петра книги стали входить в моду наряду с учёностью, а учёности без книг, как известно, не бывает. Опять же, цена книги была таковой, что немногие могли позволить себе приобрести этот предмет роскоши. Напомним читателю, что покинутая супруга нашего земляка-баснописца В.К. Тредиаковского в перечне приданного обозначила такую дорогую вещь, как «две книги на латинском языке».

Однако большой популярностью, даже и среди людей состоятельных, пользовались так называемые «лубки». «Лубок», конечно, слово русское и происходит от лубочных (липовых) досок, с которых печатались эти постеры 16–17 веков. Другими словами, лубок – это гравюра, отпечатанная с деревянной, а позднее с медной доски-матрицы.

ОТ ТОСКИ НЕ ТОЛЬКО МУХИ ДОХНУТ

В первую пору появления гравюр на дереве и меди, в конце 16 века, а особенно в 17 веке, лубочные картинки являлись предметами обихода и даже роскоши самых высших, привилегированных кругов, в первую очередь – царского двора и московского дворянства. И лишь спустя несколько столетий стали настолько «народными», что многие известные люди, вышедшие из народа и достигшие высокого статуса, с пренебрежением относились к народному плакату.

Несмотря на то, что лубок печатался преимущественно в крупных городах, астраханская тематика тоже находила в нём отражение. Например, история с подаренным Петру Великому слоню. На гравюре того времени мы видим пышную процессию с дарами от персидского шаха, в центре которой – диковинное для России животное. Первого слона государю подарили в 1718 году. Заморская диковинка вместе с другими экзотическими животными прибыла в Астрахань. По дороге животное получило ранение, ибо двигалось своим ходом через беспокойные в ту пору земли горцев. Последние отбили у русского каравана пять телег с поклажей, слона пленить не удалось. Раны у зверя оказались пустяжными, но от тоски уже в Астрахани он всё-таки «умре». Говорят, что в 1722 году для Петра, готовящегося начать Персидскую кампанию, в Астрахань завезли ещё одного слона. Когда зверь заболел, на его излечение попросили у казны «на лекарства ведро водки хорошей». После выздоровления животное позабавило царя и было отправлено в северную сто-

лицу, правда, не без приключений. История со слоню была излюбленной темой лубка и в более поздние времена. Однако вернёмся к чтению.

АЗ ДА БУКИ ИЗБАВЛЯЮТ НАС ОТ СКУКИ

Число грамотных в русских пределах росло неуклонно, но медленно. И для той счастливой части россиян, что постигла «аз да буки», стали выпускать небольшие книжечки. Церковь, конечно, распространяла литературу духовного содержания, но простой люд тянулся к душещипательным историям. Мы о такой «лубочной» литературе в этом году уже писали, рассказывая о Николае Ильиче Зряхове.

А что же Астрахань? Каковы были её литературные предпочтения? У нас есть интересные сведения, относящиеся, правда, к 1836–1839 годам. Их оставил Андрей Михайлович Фадеев, главный попечитель калмыцкого народа. Вот что он писал: «Астраханское общество не отличалось своею обширностью, даже, вернее сказать, было очень ограниченное. По образованию и знанию светских приличий выдавался одним из первых армянский архиерей Серафим, человек довольно начитанный. Он один имел порядочную библиотеку, получал хорошие французские книги, выписывал журналы, которыми и меня снабжал...». Тут, как говорится, комментарии излишни.

КНИГИ ЧИТАЕШЬ – ДАЛЕКО ВИДИШЬ

Справедливости ради подчеркнём, что в начале 19 века в городе издавался «Азиатский музыкальный журнал» (1816 год), появилась первая местная газета «Восточные известия» (1813 год). В 1838 году в Астрахани (наряду с Казанью, Киевом, Нижним Новгородом, Ярославлем и Харьковом) разрешили печатать газету «Ведомости», все 40 экземпляров которой читатели получали по субботам. Однако почва для всеобщего чтения не было, ибо, как отмечал уже упомянутый А.М. Фадеев: «Астрахань состоит из двух классов, собственно: чиновников и купцов...». О «начитанности» чиновников в России в те

времена ходило множество анекдотов, ну а купечеству некогда было «баловаться» книжками. Правда, среди купцов выделялась небольшая прослойка, понимавшая несомненную пользу книгочтения. Вот как о таких столпах российского предпринимательства высказывался автор знаменитых «Записок об Астрахани» М.С. Рыбушкин: «Они с большею разборчивостью проводят время своего досуга, любят заниматься чтением книг, судят о литературе и политике с большею основательностью...». Одним из таких был и Иван Акимович Репин, передавший свою библиотеку городу.

НО БЫЛИ И ДРУГИЕ,

чьи имена по какой-то причине оказались не «на слуху». В фундаментальном исследовании по истории Областной научной библиотеки им. Н.К. Крупской З.А. Маломётова раскрывает почти детективную историю, проливающую свет на первых дарителей первой публичной астраханской библиотеки. Так вот, среди книг, которые поступили в публичную библиотеку Астрахани, были издания, хранившиеся ранее в частных собраниях. Среди них значительный массив книг принадлежал Максиму Даниловичу Смирнову, Осипу Фёдоровичу Лапшину и Ивану Михайловичу Тулинскому.

О.Ф. Лапшин был купцом второй гильдии, имел каменные дома и рыбные лабазы в разных частях города. Однако к 1836 году его статус резко изменился, и его стали именовать «бывший купец, несостоятельный банковский должник». Что же произошло? Его разорили казаки Сероглазинской станицы, сдавшие купцу свои рыболовные воды в аренду. К тому же Осип Фёдорович стал жертвой браконьеров, промышлявших в этих же самых водах.

И.М. Тулинский был надворным советником, а М.Д. Смирнов – питейным откупщиком. Собственно говоря, именно Смирнов и передал городу перешедшие к нему от Лапшина и Тулинского книги, присовокупив к ним собственную коллекцию. В этой коллекции были сочинения Сумаро-

кова, Ломоносова, двуязычные и толковые словари – словом, самые разнообразные, в том числе и иностранные, издания. Отметим, что купеческий взнос в астраханскую публичную библиотеку исчислялся тысячами томов.

МНОГО ПРОЧЁЛ, ДА МАЛО УЧЁЛ

Что же любили читать немногочисленные астраханские книгочеи? Читательскому интересу в дореволюционной России, как это ни странно, посвящено несколько монографий. Мы же рассмотрим тематику книг, хранившихся в Астраханской публичной библиотеке в 1841 году. Так вот, в общем списке книжных сокровищ публичной библиотеки наибольшее число наименований приходилось на книги исторические и географические, следом шли книги «по части словесности», а тройку лидеров замыкали романы и повести. Наименьшее число наименований было за книгами о воспитании и для детского чтения. И.С. Аксаков, находившийся в Астрахани в 1844 году, отмечал, что «в Астрахани нельзя достать ни «Мертвых душ», ни новейшего издания сочинений Гоголя, но в так называемой публичной библиотеке, составленной из старых книг, старых изданий, принадлежащих к тому времени, когда Астрахань цвела торговлею, есть старые издания Гоголя...». Отметим также, что состоятельные астраханцы, тщательно собиравшие свои личные библиотеки, всё-таки были в курсе книжных новинок и приобретали их по каталогам.

Многое изменилось в отношении книг во времена «исторического материализма». Книга стала повседневностью, необходимостью, а в некоторых случаях – лучшим подарком. Правда, ныне статус самой читающей нации мы утратили. Но хочется верить, что несмотря на потери в количестве читателей, мы хотя бы сохраним позиции по качеству прочитанной литературы. А то ведь знаете, как бывает: «Много прочёл, да мало учёл».

Елена Казакова